

нить современникам натурфилософскую лирику Ломоносова. По-видимому, у Чулкова соседствуют сатира личная и сатира общежанровая. Вопрос о жанре имел для него важное значение, так как Чулков здесь обосновывал свой выбор стиля и тематики: ¹⁷ вряд ли случайно, что «Стихи на качели» были опубликованы ранее остальных его поэм. В первой их части Чулков перечисляет и достаточно подробно характеризует несколько основных литературных жанров: оды; бурлескная поэма; песни, элегия, эклога (т. е. лирика). Это те жанры, в которых автор потерпел неудачу и от которых он отказывается. Биографические факты позволяют считать, что в данном случае это не чисто условный прием.

О своем не вполне удачном опыте оды Чулков искренне мог сказать, что «сил во мне к тому нисколько не достало». Видимо, у него были и попытки бурлеска. Известно, что в 1774 г. он напечатал (издание не обнаружено) сатирическую (по терминологии XVIII в. — бурлескную) поэму в 9 песнях «Самозванец Гришка Отрепьев». В списке его печатных сочинений упомянуто переложение в стихи «писем Петрарка к любовнице его Лоре». Именно такое издание вышло в свет под именем Александра Тинькова в качестве переводчика (СПб., 1765). С именем того же А. Тинькова и в том же году были изданы «Разные забавные и любовные Овидиевы сочинения в стихах» (СПб., 1768). Чулков же в «Стихах на качели» отмечает литературное несовершенство выполненных им переводов любовных стихов (а не «Превращений») Овидия. Скорее всего, в обоих случаях Чулков выступал в роли сотрудника человека, более состоятельного, чем он сам. Теперь в стихах, как и ранее в прозе, он вступал на путь бытописания с экзотическим фольклорным уклоном. Новонайденная ода подтверждает, что интересы Чулкова эволюционировали, и уже в 1769 г. он отвергал ранние свои опыты.

Повлияло ли как-нибудь на судьбу Чулкова, придворного служителя, поднесение оды высочайшей особе? Сохранились воспоминания его правнучки, написанные по просьбе П. К. Симони в начале XX в.¹⁸ К этому времени приобретенные прадедом имения были уже проданы, архив и библиотека исчезли еще раньше из-за небрежения наследников. Изустное семейное предание причислено в духе романов о екатерининском веке. Мемуаристка не знает о службе Чулкова лакеем и уверена, что он был в числе придворных, чуть ли не доверенным лицом при императрице, ее любимцем. Она свидетельствует, что он был пожалован брильянтовым перстнем, табакеркою (тоже с брильянтами) и таким ин-

¹⁷ На связь Чулкова с борьбой вокруг проблем жанра в 1760—1764 годы указывает Г. П. Макогоненко в своей книге «От Фонвизина до Пушкина. Из истории русского реализма» (М., 1969, с. 145). Вместе с тем, кажется, нет достаточных оснований считать выступления Чулкова пародией на прои-комическую поэму.

¹⁸ ГПБ, ф. 696, № 103, л. 5—10.